

Масамити не смог определить, был ли это удар или стук, но услышал тупой звук.

В то же время острая боль снова пронзила его лоб. Зрение потемнело, а боль была настолько сильной, что он потерял сознание.

— Нгх!

От боли он почти разучился дышать, но, задыхаясь, сумел вдохнуть, когда прямо над ним раздался низкий, гортанный стон.

Тело Шино, надежно удерживавшее Масамичи, медленно отодвинулось от него.

А?

Масамичи открыл глаза. Он рефлекторно закрыл их, боясь, что взгляд Шино заморозит его.

Он увидел потолок - великолепное плетение.

Наверное, я лежу на спине... - смутно подумал он. У меня болит голова. Так болит, что, наверное, мозг вытекает.

Он осторожно потрогал лоб, чтобы проверить, не порезался ли он, не идет ли кровь, и с облегчением обнаружил, что это не так. Одновременно он понял, что его руки освободились.

— А?

Масамити положил одну руку на циновку татами, другой прижал пульсирующий лоб, осторожно встал и удивленно вскрикнул.

Шино, который удерживал его несколько мгновений назад, тоже лежал на спине. Масамичи не мог разглядеть красивое лицо мужчины, которое было закрыто его правой рукой.

— Э... Шино? Ты в порядке?

— Ублюдок, — прохрипел он между пальцами. — Как ты смеешь бросать мне вызов?

Масамичи инстинктивно прижал руку к сердцу.

К счастью, оказалось, что он не нарушил договор. Сердце Масамичи, похоже, еще не готово было разорваться, оно все еще билось в здоровом ритме.

— П-п-прости! Может, я...

— Может, черт возьми. У тебя хватило наглости ударить меня головой.

— О, я боялся этого.

Масамичи посмотрел на потолок.

Он запаниковал, когда Шино решил изнасиловать его, и пытался двигать всеми частями тела, чтобы сопротивляться. Единственным подвижным предметом оказалась голова, и он со всей силы врезался ею в лоб Шино, который оказался прямо перед ним.

Это было неосознанное движение и единственная возможность для Масамичи дать отпор, но и для Шино это была неожиданная атака.

Это был всего лишь удар головой, но есть поговорка, что загнанная в угол крыса укусит кошку. Удар, похоже, оказался для Шино сильным.

— Э... вы в порядке?

Оправившись от боли во лбу, Масамичи попытался подползти к Шино, но остановился, когда тот заговорил резким, как хлыст, голосом.

— Заткнись. Ты должен больше беспокоиться о том, что с тобой будет, Масамичи.

Оставаясь на спине, Шино убрал руку с лица и уставился на Масамичи.

Его глаза снова выглядели человеческими, но выражение лица было наполнено яростью, и Масамичи рефлекторно убрал руку, которую протянул Шино.

— Мне очень жаль. Мне очень жаль. Но это единственное, чего я не могу сделать.

— Почему?

Шино задал вопрос с прямым лицом. Он выглядел недовольным, но всерьез хотел знать, почему Масамичи сопротивляется.

Масамичи попытался ответить на его вопрос.

— Я думаю, большинству людей не нравится, когда кто-то навязывает им себя.

— Тогда мне оторвать тебе конечности? Это сделает тебя счастливее?

— Я тоже не буду счастлив! Но... если бы мне пришлось выбирать, я боюсь и не хочу, чтобы это случилось, но я бы предпочел, чтобы мне оторвали руки и ноги, — дрожащим голосом ответил Масамичи. Он знал, что Шино может мгновенно расчленить его, и он снова будет почти мертв - от него веяло опасностью.

Масамичи подтянул колени к груди и крепко обхватил их руками, готовясь к худшему.

Но Шино лежал на спине и крутил головой, словно не понимая Масамичи.

— Какая разница между тем, чтобы тебе оторвали конечности, и тем, чтобы тебя изнасиловали?

— Разница огромная! По крайней мере, для меня! — Шок от слов и действий Шино был огромным, и Масамичи закричал громче, чем когда-либо. — Меня бы убило, если бы мне оторвали конечности, но пострадало бы только тело. А быть изнасилованным... Это физический и душевный ущерб. Я не могу с этим смириться.

Масамичи положил обе руки на циновку татами и смотрел на Шино сверху вниз. Шино медленно моргнул и уставился на него. Детское лицо Масамичи, застывшее от страха и гнева, отражалось в его прекрасных, безупречных глазах.

— Я не совсем понимаю. Изнасилование должно быть для тебя проще. Если бы ты позволил себе это, ты бы получил удовольствие, и у тебя не осталось бы столько следов. Мне не пришлось бы заниматься восстановлением твоего тела, а главное, мы не стали бы портить дом.

Разочарованный, Масамичи упал на коврик.

— Дело не в этом!

— Тогда объясни. Возможно, я буду убежден, в зависимости от того, что ты скажешь. Если нет, то я оторву тебе руку и попробую... Я пытался проявить сострадание, — недовольно сказал Шино, выглядя искренне озадаченным.

Страх Масамичи постепенно улетучился, когда он увидел за красивым лицом избалованную соплячку. Он все еще злился на Шино за его внезапное варварское поведение, но уже успокаивался.

Он - призрак. Я не могу винить его за то, что он не понимает человеческих чувств. Я также не знаю, о чем думают птицы или кошки.

Масамичи размышлял над тем, что Шино не человек.

Шино выглядит как человек и говорит по-японски, так что я видел его как обычного парня, но это неправильно. Он - призрак. Интересно, что... сексуальное поведение означает для призраков?

— Разве для вас ничего не значит то, что вы предлагаете? Разве для этого нет причины?

Масамичи задал свой вопрос тихо, ведя себя как обычно, а Шино нахмурился, задумался и пожал плечами.

— Ты имеешь в виду изнасилование людей? До того как Токифую наложил на меня заклятие, когда я становился голодным, я выбирал вкусных людей, насиловал их и потреблял их энергию, затем разрывал их на части и пожирал их плоть и кровь. Если меня это возбуждало, я ел и их кости.

Масамичи невольно представил себе подобную сцену и покачал головой.

— Это не то, что я хочу представить, но для вас, Шино, сексуальные действия - это часть еды, да?

— Да, это так... — кивнул Шино, но тут же поправил себя. — Так было раньше.

— Раньше?

Масамичи поспешил уточнить, но Шино отмахнулся от этой темы и вернул взгляд к Масамичи.

— Ну и что? Я приказал тебе стать моей едой. Это было одним из условий нашего контракта. И если я хочу изнасиловать тебя, чтобы полакомиться твоей энергией, ты должен безоговорочно предложить мне себя.

— Но... Но контракты должны заключаться по взаимному согласию.

— И ты согласился на это той ночью.

Масамичи никогда не был настолько откровенен в своих мыслях, чтобы с кем-то спорить.

Но инстинкты подсказывали ему, что если он сейчас отступит, то это будет конец, поэтому он заставил себя произнести слова.

— Мы же договорились, что я буду твоей едой! Но для меня с-секс - это не одно и то же. Как бы

это объяснить... Ложиться в постель вместе - это совсем другое.

— Тогда что для тебя значит, когда кто-то тебя насилует?

— Я уже сказал. Секс без взаимного согласия наносит психический и эмоциональный ущерб. Я... может быть, не очень убедительно, поскольку никогда этого не делала, но мы живые существа, которые могут говорить, так что мы оба должны быть согласны с этим.

— Тогда соглашайся сейчас. Я начну сначала.

Шино плавно поднялся, и Масамичи быстро отступил назад.

— Я не об этом! Не так-то просто согласиться на что-то подобное. Конечно... я думаю, это зависит от человека. Я знаю, что некоторые люди занимаются сексом просто ради удовольствия. А некоторые делают это, чтобы поддержать себя материально.

— Именно. И ты можешь позволить мне изнасиловать тебя, как свою обязанность в качестве моего слуги.

— Я же сказал, что не могу этого сделать. Это то, что я хочу делать с тем, кого по-настоящему люблю. Быть вашей едой не подразумевает... секса с вами, по крайней мере сейчас. Но видите? Мое сердце не взорвалось. Разве это не доказательство... того, что я не нарушаю условия нашего контракта?

— Хм...

Это был слабый ответ, но Масамичи, похоже, попал в точку.

— Черт, вот почему заключение устного контракта так раздражает. Можно найти любое количество лазеек.

Несмотря на разочарование Шино, Масамичи наконец-то вздохнул с облегчением.

Казалось, он не лишится жизни, отказавшись вступать с ним в физические отношения.

Масамичи успокоился и открыл рот, подыскивая нужные слова, чтобы передать свои чувства.

— Мне неловко говорить такие вещи, ведь я никогда не был влюблен.

— Влюблен?

Эта мысль показалась Шино чужой, и он повторил слово с таким видом, будто съел что-то кислое.

— Это чувства к кому-то особенному. В наши дни можно влюбиться в представителей противоположного пола, своего пола... О, подождите, это не обязательно должно ограничиваться людьми. Я думаю, это может быть животное, предмет или даже персонаж истории. Я еще ни в одного не влюблялся.

— Есть ли разница между "нравится" и "люблю"?

— Нет!

Чем проще и глубже был вопрос, тем сложнее было тому, кто на него отвечал, уклониться от ответа. Масамичи судорожно ломал голову.

— Я не подходящий человек для таких разговоров, — сказал он, а затем продолжил. — Я думаю, что любовь - это особое чувство. Ты хочешь быть с кем-то, быть рядом с ним, целовать его, заниматься с ним сексом. Это люди, которые вызывают у тебя желание делать с ними все эти вещи.

— Ты говоришь нерешительно.

— Я же говорил, что у меня нет опыта! У меня почти нет друзей, как я могу влюбиться?! Конечно, у меня были влюбленности, но я никогда никому не признавался в любви, так что это то же самое, что никогда не влюбляться.

Масамичи прикрыл лицо. В его голосе звучала гордость за то, что он неопытный девственник. Его щеки пылали под ладонями.

Зная Шино, он наверняка ответил бы: "Не знаю" или "Это глупо".

А потом, возможно, оторвал бы одну из конечностей Масамичи и съел ее.

Но слова, которые прозвучали в ушах Масамичи, когда он в отчаянии прятал лицо, были...

— Хорошо.

— А?!

— Ты прав, ты не умираешь. Это должно означать, что изнасилование тебя не входило в твои обязательства быть пищей для меня. Это моя ошибка. И, согласно проклятию моего хозяина,

мне запрещено нападать на людей и есть их. Поскольку это не входит в наш договор, я не могу наброситься на тебя и изнасиловать.

— Не можешь? Хорошо.

Масамичи с облегчением опустил руки, но в следующий момент на него обрушилась новая волна безнадежности.

— Однако у меня есть желание немного полакомиться тобой. Я исполню это желание, несмотря ни на что.

— Наверное, да... Нгх.

Масамичи опустил плечи и на мгновение задумался, затем поправил переднюю часть толстовки, которую Шино только что разорвал, и направил к нему пальцы обеих ног.

— Я не хочу, чтобы ты отрывал мне какую-то часть тела, потому что от одной только боли я умру, но, если надо, возьми мои ноги.

— Почему?

— Ну, это ты отрегулировал длину моих пальцев так, чтобы они тебе нравились. Будет обидно, если ты съешь их после того, как исправил.

— Странные у тебя нервы, — сказал Шино и криво усмехнулся, вернув себе обычное спокойствие. — Я бы хотел сказать, что возьму ногу, но сегодня я хочу попробовать твою энергию.

— Та энергия, о которой ты говоришь... Ты имеешь в виду тот золотой свет, который исходил из моего тела, когда я читал ту музыкальную шкатулку?

Шино кивнул.

— Да.

Масамичи посмотрел на свои руки, которые, казалось, ничего не излучали.

— Интересно, похожа ли эта энергия на ауру человека?

Шино согласился с неохотным выражением лица.

— Мне не нравится такое описание, но, полагаю, это то же самое. Ваша энергия - это жизненная сила или проявление души.

Теперь настала очередь Масамичи задать простой вопрос.

— Жизненная сила, да? Ну, если это съесть, то это точно даст тебе энергию. Это звучит гораздо лучше, чем если бы мне оторвали руки и ноги. Придется ли нам снова использовать мой третий глаз?

Шино покачал головой.

— Не обязательно. Энергия всегда выделяется из всего тела, хотя и в крайне малых количествах, что делает ее невозможной для обычного человека.

— Понятно. Значит, мы выделяем больше энергии, когда сильно нервничаем, как я недавно, или когда используем всю свою силу, чтобы сделать что-то, и вы можете это видеть.

— А когда человек достигает кульминации во время причастия плоти..."

— Давайте пока отойдем от этой темы, — быстро сказал Масамичи, прервав Шино. — Но не будет ли все это напряженной энергией, если человек будет продолжать нервничать или дерзить? Интересно, нет ли другого способа... хорошего способа высвободить энергию?

Шино задумался над этим.

— Токифую... мой покойный учитель говорил, что самая качественная энергия высвобождается, когда человек чувствует тепло внутри. — Масамичи задумался над словами хозяина Шино, которого он никогда не видел. — Я понятия не имею, что это такое, ведь у призраков нет таких эмоций.

Значит, он не знает, каково это - испытывать теплые чувства...

Масамичи откладывал в памяти каждый новый кусочек информации о призраках, прокручивал его в памяти и спрашивал: "А что, если..."

— Ты придумал хорошую идею?

Масамичи кивнул и встал. Лоб все еще болел, но уже не так сильно, чтобы он не мог стоять на ногах.

— Извините. — Он открыл раздвижную дверь в чулан. Как он и предполагал, матрасы и одеяла

были аккуратно разложены на полках.

— Мы воспользуемся этим матрасом. Шино, не мог бы ты сделать небольшую комнату?

— Что? Ты хочешь, чтобы тебя изнасиловали?

— Нет. Я сказал, что давайте отойдем от этой темы. Я пытаюсь предложить...

Масамичи разложил матрас и застенчиво сказал: — Я собираюсь сделать то, что, как я знаю, является лучшим способом согреться. Присоединитесь ко мне?

— Хм? — ответил Шино, немного заинтересовавшись.

— Я подумал, что мы могли бы просто отдохнуть на матрасе вместе, без всяких грубых вещей вроде секса.

Шино не ожидал такого. Это показалось ему нелепым, и он рассмеялся.

— Отдохнуть на матрасе вместе? С таким тощим парнем, как ты? Это не так привлекательно, как мягкое женское тело.

Даже Масамичи был раздражен тем, что кто-то так его принижает.

— Мы не собираемся заниматься сексом, так что неважно, худой я или нет! Давайте, вам не обязательно засыпать. Просто залезьте под одеяло.

— Я не обязан, чтобы мой слуга указывал мне, что делать, но сегодня я могу согласиться. Но я оторву тебе ногу, если буду недоволен.

Несмотря на предупреждение, Шино был явно заинтригован.

— Что это за угроза? Просто иди сюда.

— Прости?

— Пожалуйста.

— Хорошо.

Шино снял кардиган и носки и скользнул под одеяло, оставшись в тонкой рубашке с длинными рукавами и брюках.

Масамичи выключил свет, снял рубашку, которую разорвал Шино, и протиснулся в небольшое пространство, которое Шино оставил для него. На нем были футболка и треники.

Подушка была всего одна, и Шино, естественно, положил на нее голову, как и следовало ожидать. Может, Масамичи и был маленьким, но на одном матрасе помещались двое. Конечно, было тесновато.

Когда они лежали на спине и смотрели в темноту на потолок, Шино ворчливо спросил: — Что здесь такого интересного?

Масамичи сделал свое маленькое тело еще меньше и попытался объяснить:

— Когда я был ребенком, мне было страшно и одиноко, и я часто убежал в соседнюю комнату родителей.

— Хм...

— Потом мама забирала меня обратно в мою комнату, говоря, что папа может пострадать на работе на следующий день, если мы его разбудим, и ложилась спать со мной в так.

Видя, насколько серьезен Масамичи, Шино захихикал.

— Хм? Ты хочешь сказать, что двух человек достаточно, чтобы отбиться от демонов снов?

— Нет, это не так. Когда ты лежишь под одеялом, согретый теплом двух тел, ты чувствуешь себя расслабленным и менее напуганным и засыпаешь с улыбкой на лице. Это самое теплое чувство, которое я знаю.

Остановившись на этом, Масамичи неловко поморщился, но все же сумел пошевелиться и повернуться к Шино.

— Но, Шино, у тебя же... нет температуры тела?

Шино кивнул, как бы говоря: "

— Конечно, нет.

— Это тело - всего лишь человеческая форма, которую мой мастер создал с помощью

мистической силы. Каким бы изысканным ни было его творение, он не зашел так далеко, чтобы наделить меня теплом.

— Верно. Так что может потребоваться некоторое время, чтобы согреться, поскольку у нас есть только тепло моего тела. Но я уверен, что оно согреется, пока мы будем разговаривать.

— Поговорим? И это все? Тогда нам не придется тесниться на этом матрасе...

— Все в порядке. Этот уют - часть привлекательности. Итак, о чем мы должны поговорить?

— Ты сам начал. Будь ответственным и бери на себя ответственность. Я не буду делать ничего, кроме как участвовать в этом фарсе.

Масамичи, чья грудь была достаточно близко, чтобы касаться другой руки Шино, огляделся по сторонам в поисках темы для разговора.

В конце концов он спросил то, что хотел знать больше всего на данный момент.

— Шино, как ты стал наследником этого бизнеса? И как ты жил все эти годы после эпохи Хэйан?

Для Масамичи было совершенно естественно интересоваться такими вещами. Шино остался лежать на спине, бросил на Масамичи косой взгляд и резко ответил:

— Слишком много хлопот, чтобы охватить почти тысячу лет.

Но Масамичи неуклюже продолжал.

— Достаточно кусочков! Как синопсис к телевизионной драме...

Шино некоторое время выглядел хмурым и в конце концов с некоторой неохотой открыл рот.

— По большей части, из той тысячи лет нет ничего, что стоило бы упоминания.

— Что?! Разве в твоей жизни ничего не происходило?

— Нет. Все, что у меня было, - это скука.

— Скука? Вам было скучно тысячу лет?

Шино кивнул.

— После расставания с моим хозяином, Токифую, во время его смерти... Возможно, это не совсем верно, но в любом случае, меня заперли в горшке и похоронили.

— А?! Как это случилось? — Масамичи в шоке поднял голову с матраса.

Шино продолжал, не меняя выражения лица.

— Мой хозяин не отменил наложенное на меня заклятие даже на смертном одре. Вместо того чтобы освободить меня, он использовал меня как магический объект поклонения, чтобы запечатать врата демона древней столицы.

— Древняя столица? О, Хэйан-кё... Вы имеете в виду Киото.

— Да. Он лишил меня силы, чтобы я не мог проявляться в человеческом облике, посадил в горшок, закопал, построил сверху небольшое святилище и запер навсегда.

Масамичи представил себе эту сцену и сглотнул.

— А что было потом?

— Ничего." — Он говорил об этом легко, но в его тоне слышались гнев и горечь. — Я сидел в этом маленьком горшке, посылал свою энергию и наблюдал за изменениями во внешнем мире. Когда я стал слишком слаб, чтобы делать даже это, я стал ждать того дня, когда исчезну, не оставив после себя и пылинки.

— Вы были заперты в горшке в течение тысячи лет... Я бы не назвал это скукой. Должно быть, вам было грустно и одиноко.

— У явлений нет таких эмоций. Все, что у меня осталось, - это сильный гнев и обида на моего покойного хозяина. Возможно, именно это и помогло мне выжить.

— О боже... почему ваш хозяин поступил с вами так ужасно?

Шино поднял глаза к потолку и выплюнул:

— Подобные вещи типичны для духовных медиумов. Они готовы на все, чтобы достичь своих целей. В этом смысле они хуже призраков.

— Не могу в это поверить. Но вы не умерли, вы свободны и вернулись в человеческий облик.

Как вам удалось сбежать из котла?

Шино наконец повернул голову и посмотрел на Масамичи.

— Я не сбежал. И горшок, и святилище были уничтожены.

— Что?! Кто-то разрушил святилище, защищающее Киото от демонов?

Масамичи несколько раз моргнул в шоке. Губы Шино цинично изогнулись.

— Это были не единственные ворота, защищающие от демонов. Не стоит недооценивать защитные меры, принятые столицей. Но времена изменились, и люди сегодня несерьезно относятся к невидимой защите. Они любят места силы, духовные вещи и таинственное, но при этом без раздумий сносят барьеры и ворота, отпугивающие демонов в жилых комплексах. Люди - глупые существа.

— Думаю, я понимаю, о чем вы говорите. Люди действительно такие. Так что насчет святилища, в котором вы были заперты, - оно было разрушено во время строительства?

— Это случилось в начале этого века. Огромное старинное поместье было разрушено, а землю застроили небольшими готовыми домами. Святилище оказалось на пути, его убрали, почву перекопали, а горшок, в котором я была заперта, разбили в мгновение ока.

— Ого. Это ослабило бы защиту Киото... но ведь именно это позволило вам освободиться, верно? У меня смешанные чувства по этому поводу, — смущенно сказал Масамичи.

— Да, я освободился, но слабо, примерно как капля воды. Я подумал, что проклятие Токифую должно было закончиться через тысячу лет. Я мог питаться насекомыми, рыбами, лягушками, змеями и птицами... а когда я съел бы людей, то стал бы призраком в полную силу. Так я думал, но все оказалось не так просто.

— Проклятие вашего хозяина продолжалось.

Шино отвратительно щелкнул языком.

— Токифую продолжает связывать меня, даже спустя тысячу лет после его смерти. Я освободился от горшка, но эта человеческая форма - все, к чему я мог вернуться. Иными словами, у меня не было другого выбора, кроме как смешаться с людьми.

Масамичи размышлял о том, как тяжело ему пришлось, как вдруг сказал:

— А? Это ведь произошло в Киото, верно? Как вы попали в Канагаву из Киото?

Шино нахмурился и поджал губы, а затем рассказал Масамичи правду.

— Сначала я не мог угнаться за развитием цивилизации. Машины, поезда, самолеты и даже велосипеды казались мне угрозой. Дороги были вымощены твердым покрытием, одежда людей была непривычной, а язык сильно отличался.

— Должно быть, многое изменилось с эпохи Хэйан.

— Да. Даже в человеческом облике я мог лишь бродить по городу. Некоторые вещи напоминали мне о периоде Хэйан, но они не были полезны.

— Думаю, нет. И?

— Вы называете их бездомными, верно? Я смешался с ними, потом появились необычные люди, которые хотели позаботиться о том-то и том-то для меня. Когда я не смог сказать им, кто я такой, они решили, что у меня амнезия, и помогли мне получить документы, удостоверяющие личность человека.

— О! Вот как ты стал Шино Тацуми!

Шино рассмеялся, когда Масамичи под одеялом сложил руки вместе в знак внезапного понимания.

— Да. Фамилия, которая сразу пришла мне на ум, была фамилией моего хозяина. Что касается моего имени, то я могу называть себя только тем именем, которое он мне дал, поскольку я связан с ним.

— Понятно!

— Благодаря некоторым добрым душам я подрабатывал и накопил немного денег. Услышав, что Токио теперь столица, я решил съездить и посмотреть на него.

— Хорошо.